

*Будущего не построить,
не понимая настоящего
и не зная прошлого*

Рубрику ведет Мария Трощко

Редакция публикует серию статей доктора архитектуры, заведующего кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий» Белорусского национального технического университета, собирателя архитектурного наследия земли белорусской Сергачева Сергея Алексеевича на общую тему «Народное зодчество Беларуси».

Мудрая простота и ясность архитектурных форм и композиций, органическое единство эстетических и конструктивно-технологических основ, монументальность, достигаемая не размерами и обилием декора, а выявлением четкой гражданской позиции, полное слияние архитектуры и природы и, самое главное, обращение к жизни человека — вот чем радуют произведения народного зодчества. Встречи с творениями предшествующих поколений строителей неизбежно превращаются в знакомство с вечными, непреходящими принципами архитектурного искусства.

Серия статей, рассказывающая о приемах работы и творческих методах народных мастеров Беларуси, направлена не только на то, чтобы раскрыть порой забытые, но интересные и поучительные страницы жизни наших предков. Современный проектировщик может и даже обязан с помощью собственной интуиции, усвоения достижений современной культуры выявить новые аспекты социальных факторов, природной ситуации, истории, в том числе и в народной архитектуре.

Народное зодчество Беларуси: «ДОЙЛИДАМ ... НА ДЕНЬ ПО ЗОЛОТОМУ И ПО ПИРОГУ»

История зарождения технического нормирования, лицензирования и сертификации

Что касается цитаты, являющейся частью заголовка статьи, то взята она вовсе не из сказки или поговорки, а из серьезного финансового документа. Правда, документ этот относится к XVII в. Именно эти слова включала фраза «дойлидам человекам трем змовили на день по золотому и по пирогу». Такая запись была сделана в приходо-расходной книге города Могилева за 1686 г. (1, с. 230) и означала, что власти города Могилева договорились с тремя плотниками о выполнении работ на объекте, принадлежащем городу, — «мельнице Дубровенской». А в качестве оплаты за работу каждый из них будет получать деньгами — «по золотому» и обеспечиваться питанием. Это своеобразно свидетельствует о том, что действующие сейчас в строительной отрасли системы договоров, регламентации, нормирования и других взаимоотношений не являются изобретением исключительно нашего или близкого к нам, как бы обозримого времени. И в средневековой Беларуси существовали, пусть иные и попроще, системы организации и производства строительных работ, их юридического сопровождения, а также учета и отчетности.

Как своеобразные нормативы сегодня могут восприниматься обычаи и обряды, обязательно сопровождавшие в прошлом строительство (выбор места, заготовка материалов, укладка первого венца, покрытие крыши, воз-

ведение печи и т. д.), которые, в артистической форме выражая уважение людей к среде обитания, являлись отголоском представлений человека о неизблемых закономерностях мира.

Безусловно, многое в строительстве, особенно жилого дома, предопределяли и продолжают определять экономические и функциональные требования (ориентация и рельеф земельного участка, транспортная доступность, связи с земельным наделом, обеспечение водой и т. д.). Но в прежние времена принимаемые решения отражали и древние анимистические представления людей об окружающей среде. Например, лучшим для жилого дома считалось место, которое уже было обжито животными и насекомыми. Любые совпадения и случайности воспринимались как предопределение свыше, как Божий знак. Сложные процедуры, связанные со всеми этапами строительства, свидетельствовали прежде всего об осознании человеком себя и того сооружения, которое он намерен построить, неотъемлемыми частями природы, которые должны органично войти в сложившуюся систему мироздания и не препятствовать ей. Ни в коем случае (Поднепровье) нельзя было поставить свой дом там, где проходит или когда-то проходила дорога, так как «по ней рыщет нечистая сила». Этим своеобразным, основанном на суеверии предписании, возможно, старались

помешать созданию на коммуникационных связях препятствий и не наклеивать этим на себя чье-либо недовольство.

Начало строительства обычно связывалось с какой-либо конкретной датой, так как факт строительства следовало ввести в событийную цепь в соответствии с представлениями о наиболее благоприятных моментах временного цикла. В Беларуси можно выделить два предпочтения: ориентировка на календарную систему (религиозное и общественное хозяйственно-экономическое содержание) и привязка к хозяйственному циклу, по которому существовала семья, начинающая строительство. Порой без учета этих обстоятельств выделяли в качестве лучших дней для начала строительства вторник и четверг. Практика показывает, что и теперь эти дни обычно менее напряженные, что и дает больше возможностей спокойно все обдумать, начиная значимое, масштабное дело.

В первый день строительства рубили только нижний венец, причем все начиналось (Понеманье) с будущей самой важной части жилого дома — «чырвонага кута», иногда устанавливали и ушаки дверей. Обязателен был обряд «закладзів» — своеобразный праздник. То, что в первый день традиция требовала ограничиться только первым венцом, объяснимо тем, что нижний венец («падваліна») по габаритам

Иллюстрации к статье — фотографии и акварели зданий, построенных когда-то в Беларуси, но не сохранившихся. Одни исчезли давно, в вихрях военных и социальных трагедий, другие погибли в пожарах, посевавших наши, в большинстве своем, деревянные деревни. Какие-то здания стояли совсем недавно, были высоко оценены исследователями за художественные и технические достоинства и успели еще «при жизни» попасть на страницы теперь уже раритетных изданий. Все они являются свидетельством творческого труда местных строителей, и, если бы уцелели, то были бы яркими акцентами белорусских ландшафтов, украшением наших городов и деревень.

элементов, порой и по материалу (дуб) обычно отличался от остальных венцов сруба. Его требовалось особо тщательно устанавливать (горизонтальность, геометрическая правильность разбивки плана). Поэтому после такой, достаточно ответственной работы, которая во многом предопределяла успех всего строительства, необходим был перерыв, за время которого можно оценить правильность начатого дела. Назавтра, если был недобрый знак (птицы и животные за ночь не съедали оставленный для них на углах венца хлеб), место считалось неприемлемым, и подвалы передвигали. Выделяли соответствующими обрядами такие важные этапы строительства, как завершение сруба, укладку главной балки («трама»), завершение крыши и особенно кладку печи, что означало завершение строительства жилого дома (обряд «улазін»).

Немало своеобразных ритуальных требований соблюдалось при устройстве хлевов. Их размещали (северная Беларусь) таким образом, чтобы скот по дороге с поля обязательно проходил через весь двор (хозяин должен был осмотреть пришедших с поля животных). И это при том, что хлев с улицы обычно имел ворота, но их использовали только для вывоза навоза. Стены хлевов (Западное Полесье) должны были не иметь щелей, чтобы «ведьма не пролезла», что

может восприниматься как совет обеспечить благоприятную среду для животных. В большей мере эти обычаи, порой выходявшие на уровень суеверий, безусловно, являются свидетельством недостатка знаний человеком законов окружающего мира. Но они могут восприниматься и как своеобразное средство соблюдения определенных норм, которые формировались на основе многовекового опыта формирования среды в конкретных условиях Беларуси.

Своего рода нормативами были и те региональные особенности народной архитектуры, которые во многом предопределялись прежде всего природно-климатическими условиями конкретной территории и выработанными народом представлениями о разумном ведении хозяйства, то есть пониманием приоритета производственного фактора. То есть невозможно было, чтобы где-то в глубинке Могилевской губернии крестьянин вдруг построил усадьбу в виде длинного однорядного погона, что было обычно в Гродненской губернии, в то время как во всей его деревне стояли обычные для Поднепровья замкнутые веночные усадьбы. Эти приемы были ответом строителей не только на воздействие климата или учетом возможностей выполнения той или иной хозяйственной деятельности, но и обеспечением свойственного людям стремле-

ния к созданию прекрасного и психологически комфортного быта в своей жизни.

Но именно эти нормы, то есть устоявшееся представление о разумно организованной среде, постепенно содействовали формулированию определенных требований, которые органы местного управления использовали в своей работе, прежде всего в целях обеспечения безопасности среды. Например, один из горожан Друи (городской поселок в Браславском районе, а когда-то — город) был наказан в 1724 г. по решению магистрата задержанием, очевидно в течение какого-то количества дней «в ратуше до захода солнца» — фактически арест за нарушение запрета строить бровар «около стен других зданий» (2, с. 447). Он не имел права построить бровар там, где он это сделал. Ведь это сооружение, в котором производились спиртосодержащие напитки, было очень опасно в пожарном отношении, особенно в условиях плотной городской застройки. Этот факт свидетельствует о том, что существовали регламенты застройки тех или иных городских территорий. Вполне возможно, они не имели всеобщего характера и устанавливались городскими властями в каждом конкретном случае. Так, в Любче (городской поселок в Новогрудском районе, а тогда — город) магистратом еще ра-

Застройка центральной части Могилева. Акварель И. Пешки, начало XIX в.

нее, в 1647 г., с точки зрения противопожарной безопасности было решено вынести из города гумна. Они тоже были пожароопасными, так как в них хранились большие запасы соломы. Одновременно в Любче было определено место для строительства бань и броваров — за рекой, на территориях, свободных от застройки.

Вообще-то строительство начинается уже фактически с заготовки материалов, и это очень важный этап строительного процесса. В Беларуси основным строительным материалом в давние времена было дерево. На основании закона о проведении государственной земельной реформы XVI в. «Уставы на волоки» крестьяне «за стародавнем звычае» имели право свободного входа в леса и пуци государственные «по дрова, по хворост на гороженье, по дерево на будованье, по лыка на свою только потребу, а не на продажу». То есть если тебе нужен лес для строительства, то никто не станет мешать заготовить его в лесу, принадлежащем государству. Таким же лесным сервитутом, обеспечивавшим въезд в великокняжеские и частновладельческие леса для удовлетворения потребностей в строительных материалах, пользовались и жители городов, получивших Магдебургское право. Однако постепенно в связи с развитием предпринимательства и промышленного про-

изводства, особенно в магнатских владениях, входы в леса стали ограничиваться. В Горках (1742) за порубку товарного дуба грозила виселица. В Деречинском графстве (теперь Зельвенский район) в 1758 г. указывалось: «Никому, ни под каким предлогом... не выдавать ни одного сучка». Поэтому не всегда белорусы имели возможность получить качественные лесоматериалы, к тому же происходит обеднение лесов вдоль сплавных рек: о Витебской провинции — «лучший красный лес большей частью выведен», о Полоцкой провинции — «один только дровяной лес находится, а боры гораздо редки» (1787).

Это меры XVII–XVIII вв., но и документы более раннего времени, а в Великом княжестве Литовском, куда входила Беларусь, это, прежде всего, Статуты (сборы законодательных актов) 1529 г., 1566 г. и 1588 г. свидетельствуют о стремлении общества упорядочить, а порой и достаточно жестко регламентировать многие виды деятельности человека, особенно если это затрагивало интересы государства и его граждан. Статьи этих Статутов упоминают межевые знаки (копцы, межи), с помощью которых отмечались границы земельных наделов. Достаточно подробно оговорены все допустимые варианты устройства водяных мельниц и запруд, так как

это могло существенно влиять на изменение окружающей среды и затопление земельных наделов. Приводились и достаточно конкретные нормативы, которые следовало соблюдать, особенно при строительстве за государственный счет. Например, Статут Великого княжества Литовского 1588 г. устанавливал ширину «больших дорог, гостинцев» — 1,5 прута (7,3 м, 1 прут равнялся 4,87 м), а в одной из его статей были даны указания о строительстве тюрем в виде башен — «веж» в замках и во дворах судебных: «крепкие и глубокие по 6 сажений в земле» (11,7 м, так как литовская сажень равнялась 1,9482 м).

Большое значение в организации профессиональной деятельности строителей средневековой Беларуси имели цеховые организации. Деятельность цехов опиралась на статуты — уставы, систему правил, четко устанавливавших обязанности и права их членов, взаимоотношения между членами цеха (мастерами), права и обязанности их помощников (подмастерьев) и учеников, отношение к ремесленникам, не входившим в его состав и др. «Между нами, дойлидами, не может быть иного порядка, кроме как нами установленного, о котором мы, все дойлиды, единодушно и единогласно договорились» — буквально с этих слов начиналось содержание статута («ухвала») цеха плотников

Застройка Базарной площади в Кобрине. Начало XX в.

Мост через Днепр в Могилеве. Начало XX в.

Могилева, утвержденного в 1590 г. (3, с. 483–485). И отмечалось, что целью этого документа является «размножение ремесла нашего дойлидского». Поэтому очень строго выстраивались взаимоотношения между мастерами. В Минске (статут цеха каменщиков, гончаров и плотников 1636 г.), если кто-то позволил себе произнести «на брата слова неучтивые», то его ожидал штраф — 3 фунта воска и предстояло еще наказание от городских властей «в ратуше». Если же вдруг провинившийся решал не подчиняться, то ему самому и подмастерьям, и слугам его запрещали работу в городе. Статут цеха плотников Могилева оговаривал, что мастер не должен мешать другому мастеру и в самой работе, и в получении заказов. Если член цеха выполнял какую-либо работу и утаивал это от старосты, то его штрафовали (12 грошей) и лишали права заниматься ремеслом в городе. Статут цеха гончаров и плотников Минска определял число заказов, над которыми мог одновременно работать мастер, — не более двух. А третий заказ можно было брать лишь тогда, когда близилась к завершению работа над первым. Если мастер брал большее число заказов, оставляя других плотников без работы, то его штрафовали — 2 фунта воска (4, с. 157–161).

Уставы строительных цехов регламентировали также порядок обучения ремеслу и сдачи экзаменов, то есть права на самостоятельную профессиональную деятельность. Вот как проходил экзамен на звание мастера у каменщиков и плотников Минска согласно Статуту цеха, утвержденного 21 апреля 1636 г. королем Владиславом IV. Во-первых, оговаривались сроки учебы — 4 года. Во-вторых, каждый мастер мог иметь только двух учеников. И все мастера имели право знать, кто у кого в подмастерьях работает, но не переманивать их друг у друга. Если все же при каких-то обстоятельствах подмастерье переходил работать к другому мастеру, то повышать заработную плату ему можно было только через 12 недель. А просто бросить работу, не доделав ее, подмастерье у мастера не мог, наказание за это было тоже строгим.

Если подмастерье посчитал, что он уже достаточно обучен, то должен был заявить об этом руководству цеха («старшим мастерам») за 12 недель до того времени, когда бы он хотел сдать экзамен. Тогда это называлось — «выполнить штуку», то есть, образно говоря, сделать дело или выполнить произведение. Затем он должен был просить разрешение на это у собрания всех мастеров цеха. Кроме того, если подмастерье

желал стать мастером, то следовало уплатить в «скрынку братскую»: в Минске — 30 грошей, в Могилеве — 12 грошей. И только после этого подмастерье мог начать поиск заказа, который мог бы стать его экзаменационной работой. Найдя такой заказ, с ним следовало ознакомить «старших мастеров и важных людей», чтобы они признали его достойным экзамена. Только после всего этого можно было приниматься за работу.

Для каменщиков «штука» состояла из нескольких заданий. Первое — чертеж крестового свода и после утверждения его «старшими мастерами» непосредственное исполнение этого свода. Свод следовало класть «своими руками и оштукатурить сам должен». Мастера особо тщательно проверяли правильность установки опалубки, а она должна быть установлена «под шнур». После возведения свода внимательно оценивали правильность формы свода, используя специальные циркули, чтобы ни один кирпич не выступал и не западал. Второе задание — устройство арки пролетом 5 локтей (3,25 м). Третье задание «штуки» — печная квадратного сечения труба «на избе, которую мастера назначат».

Для плотников «штука» состояла из двух заданий. Вначале изготавливалась конструкция крыши под кровлю из черепицы «наилучше и

Соборная (Рыночная) площадь в Борисове. В центре «важница», где хранились городские меры веса и длины. XIX в.

наипрекраснейше согласно нужным размерам». Потом претендент на звание мастера должен был изготовить лестницу в доме, «которую ему старшие мастера назначат». Результат второго задания должен был получить «чудные пропорции», характеризоваться прочностью и соответствовать нужным размерам. Естественно, экзаменаторы должны были внимательно осмотреть обе эти работы. Важно, что помимо технических навыков кандидатам на звание мастера надо было продемонстрировать способности и в решении архитектурно-художественных вопросов.

Избежать экзамена было невозможно. Даже приехавшие мастера, если документами не могли доказать уровень своей профессиональной подготовки, должны были отправляться на учебу. При этом сын мастера, если решил продолжить отцовское дело, должен был учиться профессии не у отца, а у другого мастера и обязательно после завершения учебы сдавать экзамен. Это же касалось и тех, кто женился на дочери мастера. Само обучение и успешная сдача экзамена ценились высоко. Неслучайно в книге, изданной в Ивье в 1615 г., можно найти очень уважительное отношение к строительной профессии: «Премоудрый будовничий, албо ар-

хитектон». Высоко ценилась и репутация цехов определенных городов. Известно, например, что члены цехов небольшого в средневековье города Копыля были равны в правах с мастерами крупных городов.

После сдачи экзамена претендент обязан был внести в цеховую кассу 10 грошей. Но, кроме того, что весьма интересно, он обязательно «согласно обычаю должен справить» вечеринку для мастеров. Вот только тогда ему присваивали звание мастера.

Статуты прежде всего обеспечивали защиту интересов членов цеховых организаций. Статут в Минске (1636) специальной статьей оговаривал даже условия работы в городе и его окрестностях приехавших плотников «как из поляков, итальянцев, немцев, так и из жителей Великого княжества Литовского». Они должны были обязательно вступить в цех и руководствоваться в своей деятельности его правилами. При этом мастера обязаны были предоставить документы, подтверждающие их происхождение и обучение ремеслу. Если же пришедший мастер не выполнял эти требования, а самовольно начинал производственную деятельность, то предусматривались наказания для него. При чем перечислялись буквально все места, где он

не мог работать, — «владения княжеские, государственные, панские, духовные», и не только в Минске, но и «где-нибудь около Минска». Наказание предусматривалось и для тех, кто нанял его для выполнения работы. Очевидно, за этим следили внимательно. Например, в Деречине Зельвенского района в 1609 г. жил и, возможно, работал Севостиан Дойлид. Так вот, в документе было специально отмечено, что он «прихожий». Это означает, что работа приехавших мастеров контролировалась достаточно строго. Например, когда после пожара в 1610 г. восстанавливали Вильно, то только специальным указом короля было разрешено привлекать для этих работ плотников соседних поветов, в том числе и Ошмянского, и при этом было велено «в работе им не мешать».

Положения этих статутов были своеобразной гарантией того, что строительством не будет заниматься случайный или неподготовленный к этой деятельности человек, то есть строительные работы для заказчика должны выполняться качественно. Параллельно шел процесс дифференциации строительных профессий. Этого требовало развитие промышленности, и средневековая система обучения ремесла старалась учитывать это. Так, в Мстиславле в 1896 г.

Торговые ряды в Клецке. Начало XIX в.

Корчма в Ошмянах. XIX в.

Усадебный дом в Маньковичах Поставского района. XVIII в.

плотнично-столярная цеховая управа «из числа лучших мастеров назначила в качестве экспертов при записи в цех ремесленников для производства испытаний» мастеров И. Додина и М. Басина. И эти мастера, принимая экзамены, отметили, что И. Брук «достоин звания мастера по столярно-плотницкой части для устройства шоссейных мостов». Не более и не менее, а только и именно мостов на шоссейных дорогах. Тогда же Черняк стал «по столярной части мастером по устройству водяных колес» (5, л. 1).

Но с развитием капиталистических отношений учащаются нарушения мастерами цеховых уставов, усиливается конкуренция между цеховыми и нецеховыми строителями. Например, в 1877 г. в Витебске цеховой старшина «плотничко-пильщицкой управы» Пушкарский составил акт о том, что на строительстве дома работают витебский мещанин Ковальский и крестьянин Храповицкой волости Семенов, которые «права быть им мастерами не имеют». Но оба строителя, хотя и присутствовали при составлении акта, похоже, ничего не опасались и отказались подписывать этот акт. Со временем плотники, деятельность которых была во многом связана с работой в других местностях, освобождаются от обязательной записи в цех. Все это в целом постепенно привело к ослаблению цеховых организаций и в 1902 г. они были официально распущены.

В документах XVII–XVIII вв. можно найти прообразы современной системы планирования работ, строительного контроля и др. Необходимые требования (сроки выполнения работ, объемы и другие параметры предстоящей работы, а также условия оплаты) оговаривались соответствующими документами, отдаленно напоминающими современные договоры.

Например, окончательное соглашение в 1791 г. о строительстве костела в деревне Дедловичи (Борисовский район) между помещиком Рафалом Слизнем и Александром Петрашкевичем, «умеющим досконально строить костелы», называлось «контрактом» (6, л. 1). В нем четко оговаривались сроки и объемы подготовительных работ, которые должен был обеспечить заказчик (заготовка и доставка материала «согласно реестра, перед этим Александром Петрашкевичем поданного», предоставление помощников-строителей), и срок прибытия мастера. В документе подтверждено, что заказчик

согласен заложить костел «по абрису большому, такому как Уважаемый Пан (А. Петрашкевич) назначил».

Так, подготовительный период согласно «контракту» длился довольно долго — с января 1791 г. по 30 марта 1792 г. Заказчик должен был заготовить и доставить к месту строительства в соответствии с чертежом («абрисом») и ведомостью («реестром»), составленными мастером, все необходимые материалы: брусья, доски, тес, гонт, бревна на стропила и все, что нужно для установки строительных лесов. Сам мастер освобождался от присутствия при подготовительных работах, так как был уверен, что крестьяне хорошо знают эту работу, ее цели и задачи. С 1 апреля мастеру выделялось 16 человек, очевидно крепостных крестьян, «на целое лето». За этот период и должны были быть выполнены основные строительные работы. Тут участие самого мастера было уже обязательным. Кстати, мастер в соответствии с договором получал питание, а также «два гарнца пива и водки по три раза на день». А вот деньги за свои труды он мог получить только после завершения работ.

Но вопросы заготовки материалов могли решаться и по-иному: «Прежде всего теслей несвижских с дополнением десяти помощников послать в леса для приготовления материала» — это из документов о ремонтных работах в Несвижском замке за 1756 г. А мастеров этих была, образно говоря, целая армия, так как работы предстояли значительные по объему. Платежные документы свидетельствуют, что в 1758 г. на восстановительных работах в Несвижском замке работали «тесли» из Несвижа и Корелич. Кроме них были еще «тесли», которые «работали за паньшчызну», то есть крепостные крестьяне. Им помогало огромное число «помощников теслей». Таким же длинным было и перечисление работавших там же столяров.

То, что строительные работы носят сезонный характер, безусловно, учитывалось. Так, в Гродно (1769) мастеру Якубу Щегельскому в зимние месяцы контрактом предписывалось изготавливать двери и другие части будущих зданий, при этом одной из основных его обязанностей было «обучение парбовков теселке». То есть он должен был обучать профессиональ-

ным приемам работников, которых выделял ему в помощь. «Хлопцев, приданных для науки, досконально своему искусству учить и слуг, с которыми строить будет, при работе информировать» — это было достаточно распространенная статья в контрактах (7, л. 244). Следует отметить, что Якуб Щегельский был пришлым мастером, из соседней Пруссии. В то время в Гродно строительные работы имели масштабный характер, мастеров не хватало и их приходилось приглашать из-за границы. Поэтому вместе со Щегельским в Гродно работали и другие мастера-плотники из Пруссии: Дитц Готлиб, Иоахим Готлиб, Михал Фрейтаг, Якуб Билтриер. Документы свидетельствуют о том, что условия их работы оговаривались достаточно подробно.

Существенно повлияли на систему расселения Беларуси, планировочную структуру сельских поселений такие масштабные мероприятия государственного уровня, как волочная реформа XVI в., крестьянская реформа второй половины XIX в., экономические реформы начала XX в., а также меры по их реализации. Они решительно вторгались в строительную сферу,

Портик усадебного дома в Летешине Клецкого района. XIX в.

Галерея лямуса имения в Муравано Ошмянке Ошмянского района. XVIII в.

открывая новые возможности для развития строительного процесса, или, наоборот, очень жестко регламентировали его.

Уже упоминавшийся закон о проведении аграрной реформы «Устава на волоки» реализовывался в Великом княжестве Литовском с конца 1530-х гг. до середины XVII в. Это мероприятие проводилось с целью увеличения доходов феодалов путем упорядочения землепользованием и унификации феодальных повинностей крестьян. Был произведен обмер и передел всей земли на стандартные участки (волоки), ликвидирована чересполосица, укрепились усадьбы (фольварки), получила развитие сеть дорог. Жестко соблюдались места размещения усадеб (в пределах деревни — в середине или в конце, на удалении от деревни). Были оговорены набор построек, деление усадебного двора на две или три зоны (для гумен, скота и общего пользования). Одновременно создавались деревни нового типа, застройка которых формировалась вдоль единственной улицы. Четко указывались место застройки по фронту и ориентация жилых домов в сторону улицы. На земельном наделе по своему усмотрению крестьянин мог разместить только хозяйственные постройки. Реформа реализовывалась на белорусских землях под руководством большого штата чиновников (ревизоров), а главный надзор осуществлял виленский воевода Николай Радзивилл Черный. Реформа на много веков предопределила

развитие объемно-планировочных структур поселений и ландшафта Беларуси, а это значит, и те правовые вопросы, с учетом которых здесь трудились и народные мастера-строители, и профессиональные архитекторы.

Часть населенных пунктов Беларуси формировалась, начиная с 1810 г., в системе военных поселений, создававшихся по всей Российской империи. В деревнях вдоль строящихся шоссе упорядочивались земельные наделы, прежде всего пахотные земли, а характер застройки сохранялся прежним. Но развитие таких поселений получало общую тенденцию в сторону регулярности и упорядоченности, вплоть до применения специально разработанных проектов жилых и хозяйственных строений, и отступить от проектных решений было невозможно. Например, одним из таких поселений является деревня Солон в Стародорожском районе. Профессионализм возведения многих строений этой деревни ощущается буквально во всем и сейчас, спустя полутора вековую историю. Прослеживается четкость в размещении домов и хозяйственных строений, выразительность объемных решений, профессионализм технического исполнения. Неслучайно, хлев одной из усадеб был перевезен в Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта как выдающийся образец строительства тех лет. В этом сооружении в полной мере проявилось соединение профессионального, основанного на

регламентах подхода проектировщиков к решению поставленной задачи с жизненными принципами народной архитектуры в исполнении, надо полагать, местных мастеров. Даже одни только металлические запоры этого хлева, петли и завесы его ворот вызывают уважение.

В это время функционировавшей системе строительного дела были свойственны четкость структуры, системность и в определенной степени бюрократичность. Но эта система, начиная с конца XVIII в., оказалась востребованной и временем, и художественным направлением самой архитектуры — классицизмом, который также характеризовался стремлением к упорядоченности и согласованности. Значительно в строительстве возрастает роль специалистов, имеющих соответствующее образование, — гражданских инженеров, архитекторов, землемеров. В Российской империи в строительном отделении или строительной комиссии губернии такие должности, как губернский инженер и губернский архитектор, были весьма значимыми в чиновничьем аппарате. Проект любого сооружения, которое намеревались построить на территории губернии, должен был быть согласован в губернском правлении. А документация на наиболее дорогостоящие объекты, возводившиеся за казенные средства, отправлялась на согласование в столицу в соответствующие министерства.

Очень высоко ценился диплом граждан-

Костел в Богданове Воложинского района. 1690 г.

Амбар имения в Стефаново в Миорского района. XIX в.

ского инженера. Во многом этому содействовал не только высокий уровень их подготовки в Институте гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, но и огромная нехватка таких специалистов в Российской империи. Это был специалист, способный проектировать и производить строительные работы. В основном служба гражданских инженеров проходила по Министерству внутренних дел, с соответствующими выслугами и продвижением не только по служебной лестнице, но и по чиновничьей Табели о рангах. Было разрешено также специалистам-практикам, имеющим определенный опыт работы на строительстве объектов, сдавать экзамен в Институте гражданских инженеров (предварительно оплатив за него) на получение звания «гражданский инженер с правом на производство строительных работ». Это в какой-то мере позволяло пополнять ряды специалистов. Но тем не менее существовала оставшаяся со средневековых еще цеховых времен защитная мера отечественных специалистов и заказчиков от случайных и слабо подготовленных людей, намеревающихся заниматься строительством. Эту меру можно рассматривать как мероприятие лицензионного характера: иностранный диплом надо было подтверждать (была соответствующая процедура). Без этого ни один иностранный подданный на территории Российской империи не имел права проектировать и строить. Как своеобразную защиту заказчика от неподготовленного подряд-

чика можно воспринимать и одну из позиций договоров, заключавшихся на строительство. Подрядчик в договоре должен был указать, каким своим имуществом он гарантирует возмещение заказчику потерь в случае неудачного выполнения строительных работ.

Любой объект, возведенный за государственные средства, должен был пройти «освидетельствование». Это была в своеобразной форме работа приемной комиссии. Для этого действительно создавалась комиссия, в которую входили представители заказчика и представитель губернии, обычно это был губернский архитектор. Все организовывал заказчик, причем предварительно оговаривался размер оплаты прогонных денег, необходимых для приезда представителя губернии. К началу работы самой комиссии заказчик должен был подготовить комплект необходимых документов: разрешение на строительство с четкими данными о том, кто и когда разрешил; проектная документация на объект, которая, естественно, тоже должна была когда-то кем-то быть утверждена (без этого невозможно было получить разрешение строить); сметы на строительные работы. Комиссия слыхала все эти документы, особенно проверяя соответствие объемов выполненных работ соответствующим позициям в смете. Документ об освидетельствовании обязательно представлялся начальству. Если обнаруживалось несоблюдение сметы, например, невыполнение

каких-либо технологических операций или замена предусмотренных материалов другими, то заказчика могли ожидать многие неприятности, особенно если сметная стоимость оказывалась превышенной.

С конца XVIII в. строительство в городах все более ориентируется на достижение художественного единообразия застройки. В этот период и до середины XIX в. широкое распространение получают так называемые «образцовые» проекты, которые были призваны исполнять роль образца. Буквальное следование такому проекту в ходе строительства конкретного здания не считалось обязательным. Могли варьироваться размеры, число окон на фасадах, детали. Однако образцовые проекты все же утверждались самим императором, и особо вольничать никто не мог.

Министерством внутренних дел и Министерством государственных имуществ были разработаны и изданы фактически типовые проекты (Планы для устройства селений, 1831; Атлас нормальных чертежей сооружений по ведомству Министерства государственных имуществ, 1842; Атлас фасадов домов по крестьянскому образцу с планами расположения селений на шоссе, 1851; Атлас проектов и чертежей сельских построек, 1853 и др.). Произошло разделение названий проектов: слово «образцовый» означало «проект фасадов жилых домов», а «нормальный» — проект для общественных зданий.

Лямус имения в Дуниловичах Поставского района. Начало XIX в.

Костел в Мяделе. XVIII в.

Троицкая церковь в Витебске. 1761 г. Акварель Д. Струкова, 1860-е гг.

Костел в Войстоме Сморгонского района. 1774 г.

В 1830–50-х гг. образцовые проекты жилых домов состояли фактически только из их уличных фасадов. Планировка главного дома, флигелей и служебных корпусов, расположение этих зданий на участке предоставлялось на усмотрение владельца. Однако требовалось обязательное размещение главного дома в соответствии с красной линией улицы. Деревянной в основной своей массе застройке надлежало следовать формам, элементам каменной классической архитектуры. В частности, навязывались детали вроде рамочных наличников или полуциркульных окон, вписанных в рамочный наличник, которые были характерны для итальянской архитектуры XV в.

Большинство из 24 проектов серии 1838 г. предназначалось для строительства небольших одноэтажных жилых домов в три и пять окон на уличном фасаде. Но ощущался недостаток дешевых проектов, так как сказывалась необходимость применять предлагаемые элементы и детали, например, обязательно должен был быть портик. Это было учтено, и в проектах 1840–50-х гг. портики уже исчезли. Всего серии выходили до 1852 г.

В 1854 г. городничие получили право разрешать строительство небольших жилых домов в уездных городах. До этого разрешение можно было получить только у генерал-губернатора (чиновник, который руководил не одной, а несколькими губерниями). В этом просматривается некоторое снижение уровня централи-

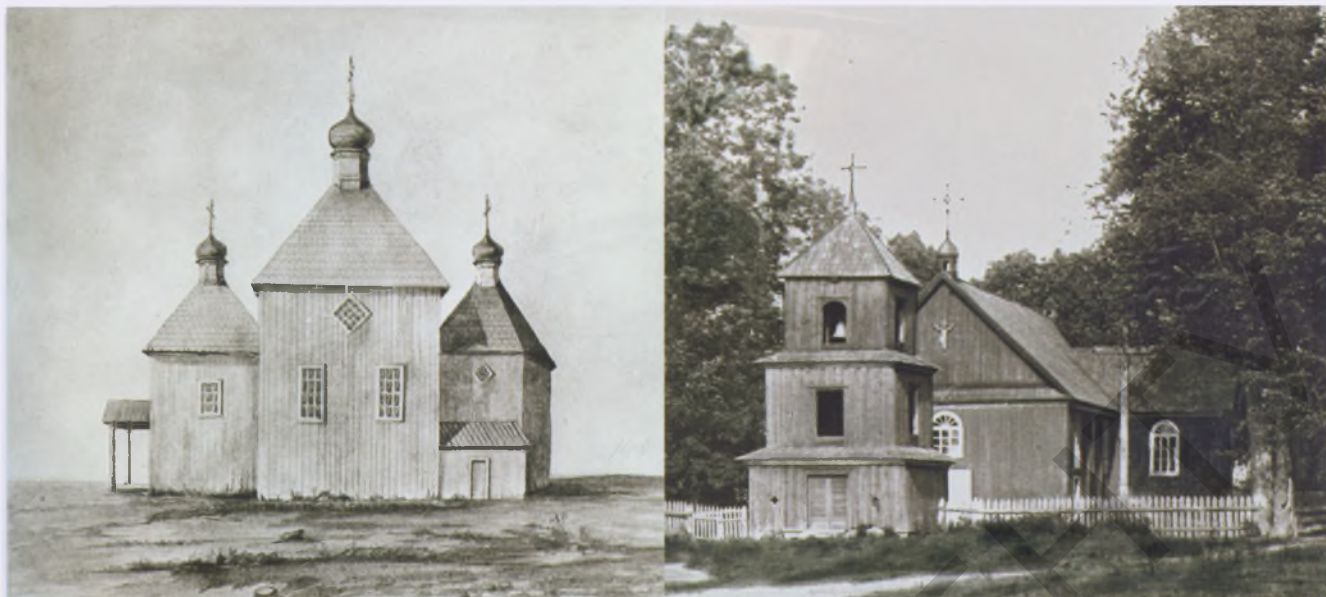
зованного контроля и регламентации в сфере строительства, в частности за обликом частных жилых домов. В 1858 г. отменяется и существовавшее ранее требование, чтобы здание на фасаде имело нечетное количество окон («дабы по середине фасада приходилось окно, а не простенок»). Причем отменяется указом Александра II. Теперь «правило, по коему строения должны иметь нечетное число окон, не считать впредь обязательным». В этом же 1858 г. выходит указ Александра II, отменяющий закон, по которому дома частных лиц в городах могли сооружаться только на основе высочайше утвержденных образцовых проектов (8, с. 191).

Основная же масса народных мастеров строительного дела продолжала работать в деревнях на основании традиционных представлений об этой деятельности. Но работу архитекторов и гражданских инженеров с этой поры начинает сопровождать достаточно много разного рода регламентов, среди которых было немало прогрессивных, связанных, например, с мерами противопожарной безопасности или санитарно-гигиеническими мероприятиями (размещение бань, скотобоев, кузниц), а также ориентированных на противодействие опасным последствиям весенних паводков (размещение и конструкции открытых источников водоснабжения, надворных туалетов и др.). Регламентация и нормирование в проектировании и строительстве продолжали совершенствоваться с учетом этажности зданий и их типологического

назначения. В частности, в каменном двухэтажном здании механического завода в Горках Могилевской губернии в 1870 г. делают еще одну лестницу, так как пришло предписание о том, что должно быть «во всех каменных заводских и фабричных зданиях, имеющих более 8 сажен длиною, по две каменные, чугунные или железные лестницы». Это означает, что пришло время применения и противопожарных нормативов.

Для рассмотрения проектов на возведение православных храмов со временем была создана специальная структура — губернское церковно-строительное присутствие. А сами проекты разрабатывались с участием и под руководством специалиста, который занимал должность епархиального архитектора. Но вскоре значительный объем работ и высокая ответственность объектов потребовала передачи дел по проектированию и строительству церквей в строительное отделение губернских правлений. Магистраты крупных городов заключали договоры со специалистами, которые занимали должность городского архитектора и обеспечивали процессы развития и совершенствования архитектурно-пространственной среды, но только на территориях и объектах, находящихся в ведении города.

Важным было и то, что с конца XVIII в. развитие городов, да и просто любая строительная деятельность в них осуществлялись исключительно на основании генеральных планов, разработанных специалистами. С помощью ге-

Церковь в Скородном Ельского района. 1765 г. Акварель Д. Струкова, 1860-е гг.

Костел в Елье Лидского района. 1667 г.

нерального плана в первую очередь предельно конкретно решались вопросы землеустройства, в том числе определялись границы города. Отводились земли для размещения административных зданий, формирования, порой нового, центра города. Территория города разбивалась на кварталы и районы, для которых устанавливались обязательные правила застройки. Регламентация ужесточалась буквально с каждым годом. В частности, в мероприятиях, намечаемых к обязательному выполнению по Минску на 1890 г., предусматривалось использование в центре города кровель крыш только из огнеупорного материала. В этой части города запрещалось строить деревянные дома, а уже существующие запрещалось капитально ремонтировать (за ис-

ключением замены сгораемого покрытия). Ветхие деревянные дома велено было сносить. «На центральных улицах города строить тротуары для пешеходов деревянные из половых досок». Причем обращалось внимание на необходимость аккуратной стыковки тротуаров, которые делались соседними владельцами. Показателен тот факт, что меры по улучшению архитектурного облика и благоустройства городов не только содержались в документах, которыми пользовались чиновники и проектировщики, но были опубликованы и в массовых печатных изданиях для населения (9, с. 182–187).

Разработанные в этот период планы городов стали прогрессивным явлением в белорусском градостроительстве. Была приведена в

порядок уличная сеть, спрямлены и расширены основные магистрали, укрупнены кварталы, в каждом городе сформирован как его структурная часть центр. Генеральные планы городов утверждались в столице на самом высоком уровне и становились документами, которые при всем многообразии и сложности жизненных коллизий местные власти все же старались соблюдать. К середине XIX в. эти проекты регулярной планировки городов в основном были воплощены в жизнь. В застройке наших современных городов до сих пор можно проследить результаты целенаправленной строительной деятельности того времени, выполнявшейся с соблюдением многих существовавших тогда регламентов.

Примечания:

1. Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний: Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске / — Витебск: тип Губ. правл. — Вып. 4: Приходо-расх. книги г. Могилева за 1686, 1688 гг. — 1873. — 432 с.
2. Hedemann, O. Historia powiatu Braslawskiego / O. Hedemann. — Wilno: Sej-mik Braslawski, 1930. — 484 p.
3. Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний: Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске / — Витебск: тип Губ. правл. — Вып. 7: Приходо-расх. книги г. Могилева за 1590 г. — 1876. — 511 с.
4. Беларускі архіў: у 3 т. / — Менск: Ін-т беларус. культуры, 1927–1930. — Т. 3: Менскія акты (XV–XVIII ст.). — Вып. 1. — 1930. — 413 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 2106. — Оп. 1. — Д. 18.
6. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1663. — Оп. 1. — Д. 2975.
7. Национальный исторический архив Беларуси. Коллекция микрофильмов № 1. — Д. 207.
8. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX — начала XX века / Под общ. ред. Е.И. Кириченко. — М.: Прогресс — Традиция, 2001. — 340 с.
9. Памятная книжка Минской губернии на 1890 год. — Минск: Минский губ. стат. ком-т, 1889. — 221 с.